

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ РОМАНОВКА II

В 1989 году экспедицией Самарского государственного университета были предприняты раскопки поселения Романовка II в Башкирии, известного как опорный памятник эпохи мезолита.

При раскопках памятника, помимо средневекового комплекса и находок эпохи бронзы, получена коллекция кремня мезолитического облика, включающая 155 предметов. Расщепленный кремль и орудия рассеяны по большей части стратиграфической толщи раскопа. Тем не менее, основная масса каменных изделий концентрируется в предматериковом слое — светло-коричневом суглинке мощностью 20-25 см, который является погребенной почвой. Неоднократные последующие заселения мыса в эпоху бронзы и средневековья привели к частичному нарушению культурного слоя эпохи мезолита, что обеспечило рассеивание расщепленного кремня по вертикали, вплоть до поддверного слоя. Планиграфических скоплений каменного инвентаря при раскопках 1989 года не зафиксировано. Кремль равномерно распределен по всей вскрытой площади памятника.

Осколки галек	4 экз.	Краевые и фронтальные сколы	3 экз.
Термический отщеп	1 экз.	Пластины	109 экз.
Нуклеусы	3 экз.	Отщепы	22 экз.
Площадки нуклеусов	3 экз.	Обожженный неопределимый осколок	1 экз.
Ребристые технологические сколы	9 экз.	Всего:	155 экз.

Приводим классификацию каменных находок, обнаруженных в ходе исследования:

Мезолитические находки, собранные в раскопе, представлены преимущественно однородным сырьем — мелкополосчатым серым кремнем различных оттенков. В небольшом количестве име-

ются предметы из темно-зеленой яшмы и красновато-коричневого кремня или яшмы, которые характерны для Приуралья. Красновато-коричневый кремень, наименее пластичный, эпизодически встречается на некоторых памятниках мезолита-неолита в левобережном Среднем Поволжье. Отметим, что аналогичное по цвету и качеству сырье хорошо представлено в обнажениях коренных пород правобережья реки Сок на всем протяжении ее течения.

Обращает на себя внимание короткий список сколов, которые обычно получаются при расщеплении. В данном случае с уверенностью можно констатировать призматическое расщепление, целиком направленное на получение пластинчатых сколов. Никак не представлены сколы переоформления ядрищ или переориентации направления скалывания. Поэтому расщепление, исходя из имеющегося материала, представляется как единовременный акт, связанный с получением пластин и осуществленный непосредственно на стоянке. Наличие краевых фронтальных и ребристых сколов указывает на стремление получить выпуклый, выровненный фронт скалывания или максимально использовать весь периметр площадки нуклеуса для расщепления.

Имеющиеся в коллекции нуклеусы подразделяются на несколько типов. Один из них относится к типу призматических двуплощадочных, с прямыми фасетированными площадками, со скалыванием по половине окружности или с торца. Скалывание осуществлялось во встречных направлениях (рис. 1, 3). Второй нуклеус — также призматический с зауженным основанием или конический одноплощадочный. И в этом случае скалывание осуществлялось с половины окружности или с торца (рис. 1, 2). Плоскости, противоположные фронту скалывания, на обоих нуклеусах не обработаны и имеют естественную поверхность. Последний нуклеус из публикуемой коллекции — конический одноплощадочный с фасетированной слабо вогнутой площадкой. В данном случае скалывание осуществлялось с большей части (с $3/4$) окружности. Тыльная часть нуклеуса оформлена как двустороннее ребро, занимающее $2/3$ высоты нуклеуса (рис. 1, 1). Высота ядрищ 3,2, 5,6 и 7,5 см.

Таким образом, принцип получения пластинчатых сколов данной коллекции основан на торцовом или полукруговом (но не радиальном) расщеплении одноплощадочных ядрищ. О таком же скалывании свидетельствуют имеющиеся в коллекции сколы с площадок нуклеусов — с торцовым или полукруговым отделением пластин.

Отходы раскалывания, представленные немногочисленными отщепами (как подправочными сколами, судя по их незначительным размерам) и подготовительными технологическими сколами, свидетельствуют о том, что на стоянку было принесено уже подготовленное к расщеплению сырье: пренуклеусы или нуклеусы в начальной степени утилизации. Только два отщепа и один техноскол имеют на спинке галечниковую корку, остальные экземпляры свободны от нее. Преобладают отщепы с площадью поверхности 1-5 см², более крупные — единичны.

Пластины, полученные с нуклеусов, не всегда имеют ровную огранку и параллельные края (рис.1, 4-29; 2, 1-15). Из общей массы пластин только две — целые, остальные — фрагментированы. Большинство фрагментов пластин имеют средние или удлиненные пропорции. Разделение пластинчатых сколов на группы по ширине дает такие результаты: до 5 мм — 1%, от 6 до 10 мм — 37%, от 11 до 15 мм — 44%, шире 15 мм — 18%.

Сколы в коллекции памятника, имеющие вторичную обработку или следы использования, представлены 72 экземплярами. Приемы вторичной обработки малочисленны и представлены техникой крутой, полукрутой и пологой ретуши, резцового скола. Типологический ряд орудий беден: преобладают пластины с ретушью утилизации, угловые резцы и концевые скребки. Для изготовления орудий использовались пластины — 59 экз., отщепы — 12 экз., ребристый скол — 1 экз. Численно преобладают пластины и отщепы с мелкой ретушью по краям или ретушью, возникшей вследствие утилизации — 40 экз. (рис.2; 3). Лишь в нескольких случаях можно говорить о преднамеренном ретушировании заготовок (рис.2, 23, 30, 32, 35; 3, 9) для использования их в качестве режущих, строгальных инструментов или вкладышей. Заслуживают внимания два отщепа с ретушированным концом (рис.3, 1) и ретушированным карнизом в месте слома (рис.3, 3). Определенный интерес представляет экземпляр пластины с ретушью и резцовым сколом. Краевая полукрутая ретушь на одном из краев послужила площадкой, с которой был нанесен резцовый скол, отсекавший дистальную часть пластины (рис.4, 2). Данное изделие по расположению ретушированной площадки и резцового скола можно рассматривать как трансверсальный резец. Но в данном случае речь может идти о нетипичном изделии. Сходное расположение сколов наблюдается на концах еще двух пластин, но в этом случае отсутствует какая-либо площадка, с

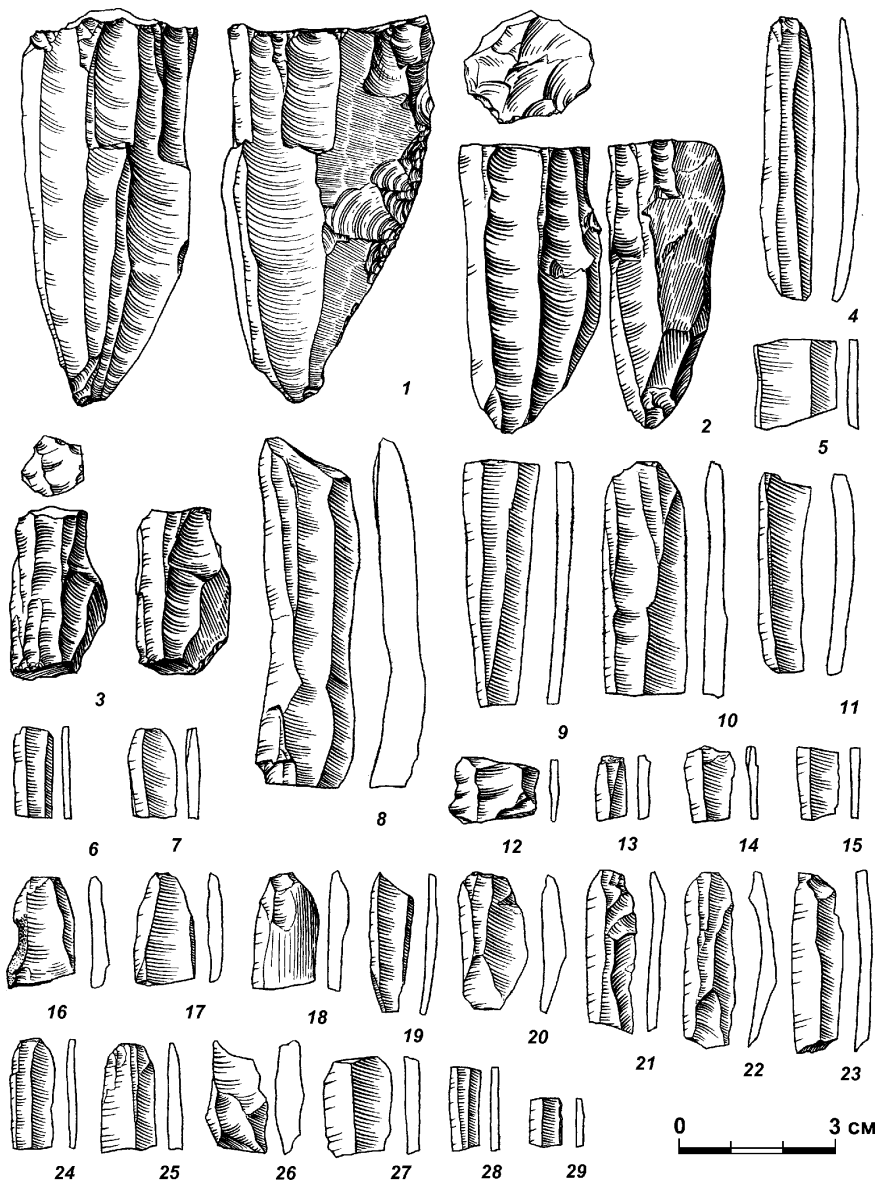

Рис.1. Поселение Романовка II. Нуклеусы и пластины мезолитического комплекса.

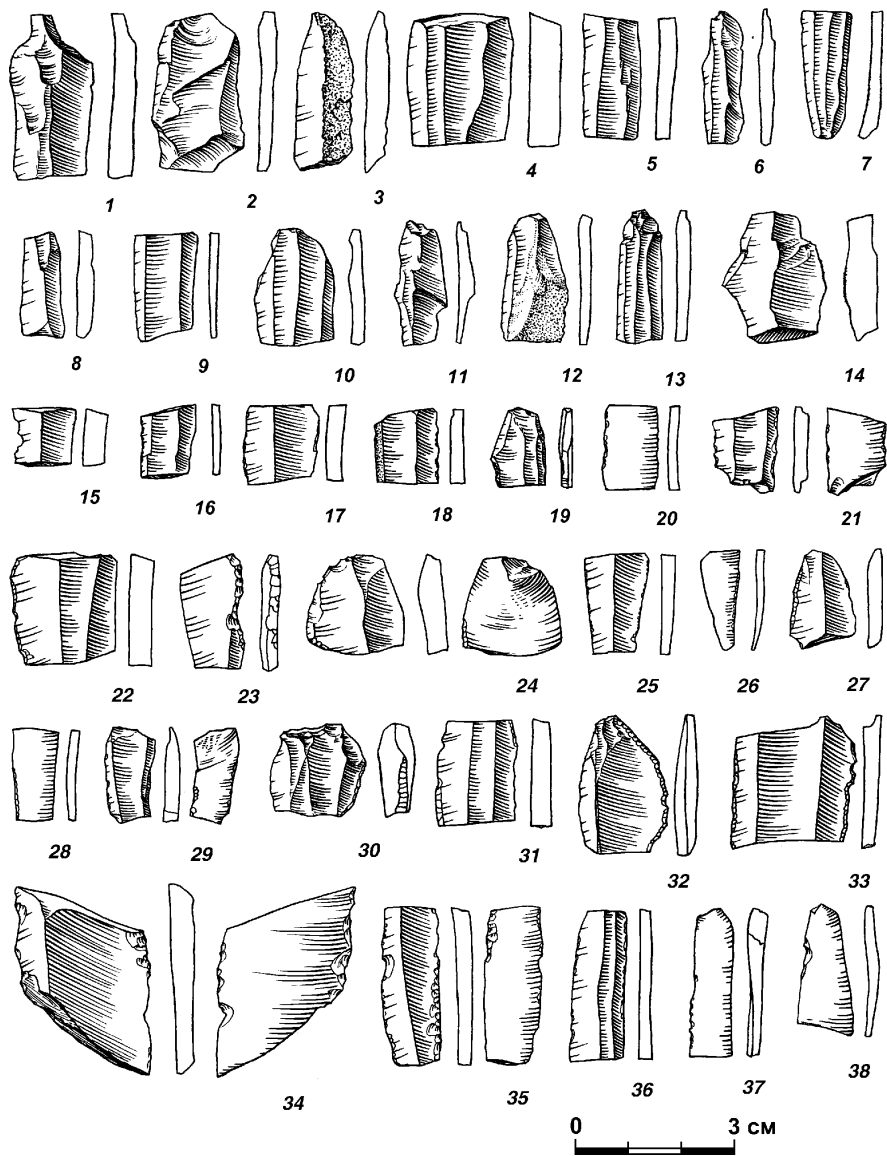

Рис.2. Поселение Романовка II. Пластины мезолитического комплекса.

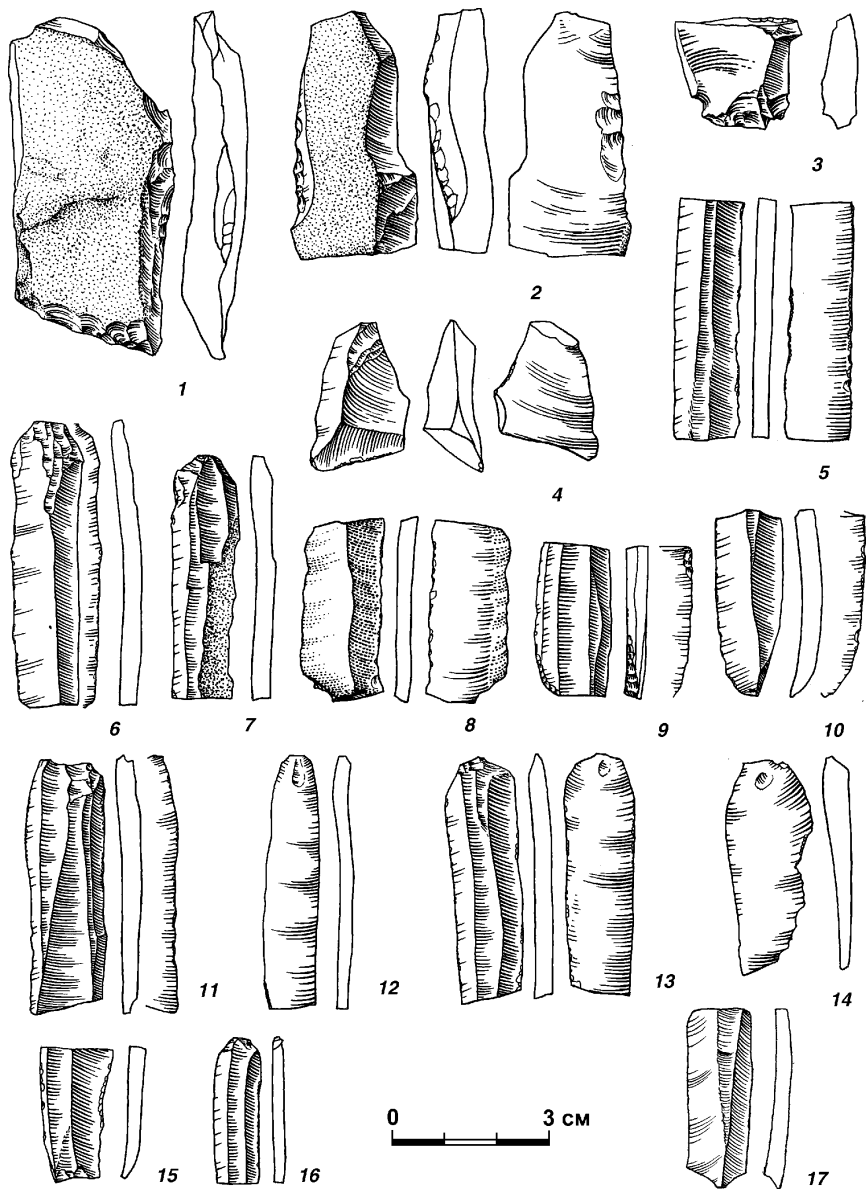

Рис.3. Поселение Романовка II. Отщепы и пластины с обработкой.

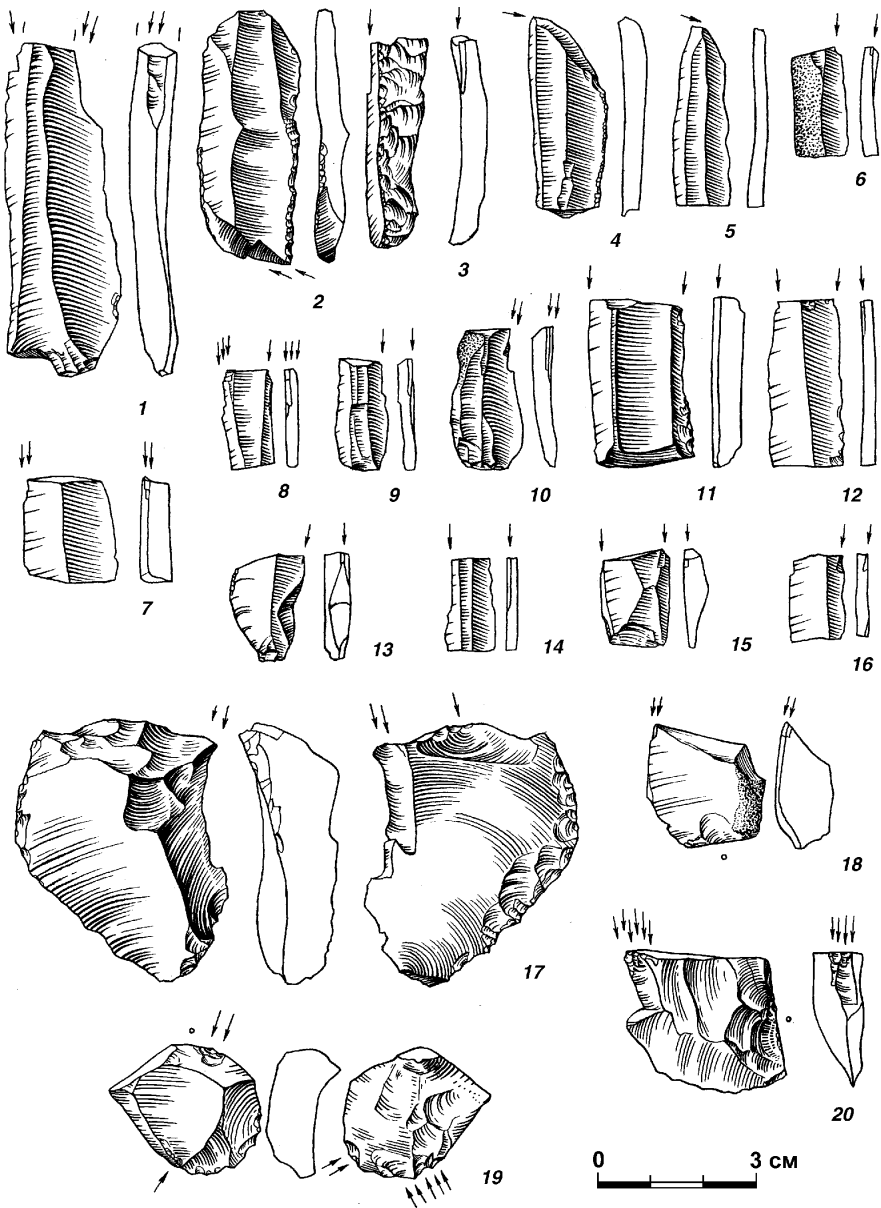

Рис.4. Поселение Романовка II. Пластины и отщепы с резцовыми ско-

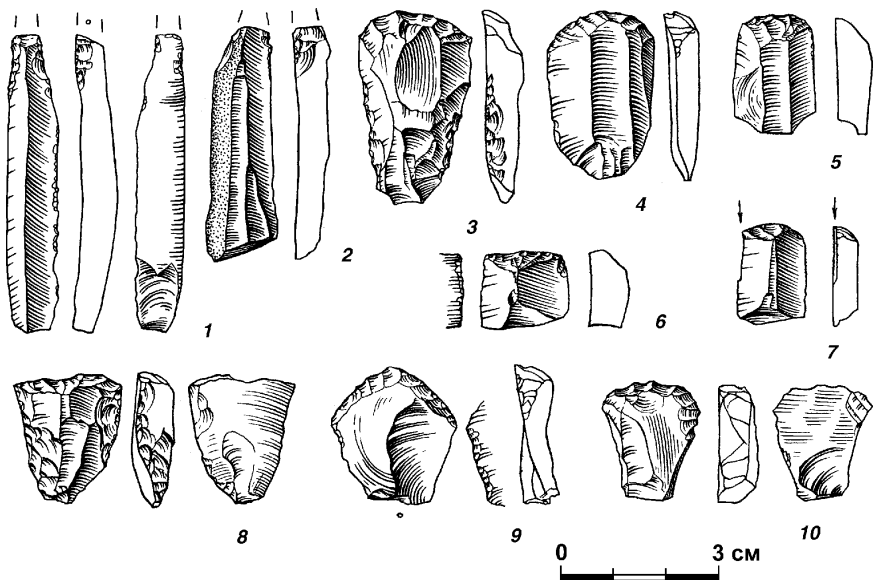

Рис.5. Поселение Романовка II. Острия и скребки.

которой технически мог быть осуществлен прием резцового скалывания (рис.4, 4, 5).

Меньшую группу составляют изделия, имеющие в месте слома резцовые сколы. Это 13 обычных пластин, разных по параметрам, и еще одна ребристая пластина, (рис.4, 1, 3, 6-16).

Часть изделий, безусловно, может быть отнесена к категории утилизировавшихся вкладышей. На одной пластине резцовыми сколами снята часть ретушированного края и полностью притуплен второй (рис.4, 11). Другая пластина сломана уже после нанесения резцовых сколов (рис.4, 1). Резцы из отщепов представлены угловыми формами — 2 экз. (рис.4, 18, 20) и орудием, на углах и краях которого выделялись резцовые кромки с помощью плоских сколов (рис.4, 19). В коллекции имеется один экземпляр ретушного резца, который выглядит необычно на фоне всего комплекса. В качестве заготовки был использован массивный, самый крупный отщеп, дистальная часть которого сбита и превращена в наклонную площадку широкими и рельефными сколами. Вид и наклон площадки таков, что соответствует рабочему концу скребка. С площадки по одному краю нанесены два последовательных резцовых скола. Судя по следам слабой утилизации на краю резцовых сколов, данный

предмет использовался в качестве строгального инструмента. Еще один плоский не резцовый скол нанесен на вентральную поверхность отщепа. Назначение данного скола неясно, возможно, это прием подправки скребкового лезвия. Второй край отщепа, преимущественно с вентральной стороны, обработан крупнофасеточной нерегулярной пологой ретушью (4,17), которая является, очевидно, аккомодационной.

Скребков найдено 8 экземпляров. Все они концевые на пластинах и отщепах. Скребки из пластин имеют выпуклое и, в одном случае, прямое лезвие, заготовки — укороченные. С лезвия одного из пластинчатых скребков нанесен на край резцовый скол (рис.5, 4-7). Скребки из отщепов морфологически отличаются от пластинчатых форм. Все отщеповые скребки имеют естественные сужающиеся или суженные с помощью ретуши края, что позволяет определять их как концевые с конвергентными краями. Лезвия скребков — выпуклые, спрямленные и стрельчатые (рис.5, 3, 10, 8, 9).

Завершают набор орудий два острия со сломанными концами. Оба выполнены на тонких пластинах и оформлены крутой ретушью. Первое острие, симметричное, вторично использовалось после повреждения как стамеска (?), о чем говорит наличие мелких фасеток сработанности с вентральной стороны в месте слома (рис.5, 1). На одном краю имеется ретушь утилизации. Второе острие — асимметричное или сильно скошенное; оно так же с обломанным концом (рис.5, 2).

В коллекции имеется всего один скол со шлифованного орудия, но само орудие не обнаружено.

Таков материал опорного памятника романовско-ильмурзинской культуры. Обращает на себя внимание немногочисленность инвентаря, ограниченный набор типов изделий, приемов вторичной обработки и, в целом, невыразительный облик коллекции. Технотипологические данные полученного комплекса основными характеристиками существенно отличаются от данных коллекции, опубликованной Г.Н.Матюшиным.

Перечислим наиболее существенные, на наш взгляд, различия. Так, в частности, в коллекции 1989 года не оказались представлены усеченные пластины; не найдены пластины с притупленным краем, которые есть в описании и табличных данных, но отсутствуют в иллюстрациях к монографии “Мезолит Южного Урала”. В настоящей публикуемой коллекции неизвестны пластины с выделенной “головкой”, срединные и многофасеточные резцы, которые также

есть в описании, предложенном Г.Н.Матюшиным, но не представлены в его иллюстрациях. В лучшем случае можно говорить о наличии в рисунках таких двугранных резцов, которые не дают реального представления о ранней датировке памятника или его культурной специфике. По мнению Г.Н.Матюшина, карандашевидные нуклеусы характеризуют II этап романовско-ильмурзинской культуры. Как известно, карандашевидные нуклеусы служат для получения микропластинчатых сколов. Нами подобные нуклеусы не обнаружены. Впрочем, нет их и в иллюстрациях, на которые ссылается Г.Н.Матюшин. Единичные микропластинчатые сколы шириной до 5 мм (1%), имеющиеся в настоящей коллекции, служат технологическим подтверждением отсутствия карандашевидных нуклеусов. То есть, данные сколы были получены с нуклеусов других типов и как нерегулярные (несерийные) сколы.

Дальнейшие разночтения материалов из раскопок разных лет связаны с категорией скребков. В коллекции 1989 года присутствует небольшая серия скребков из отщепов, что противоречит утверждению Г.Н.Матюшина о полном их отсутствии на романовской стадии. Данные по скребкам опубликованы Г.Н.Матюшиным также не слишком подробно и внятно [1, вкладка, табл.IV]. В заключение отметим, что микрорезцовая техника, за исключением вышеупомянутого случая, в нашей коллекции не представлена никак. Поэтому представляется сомнительным присутствие в ней не только обычных микрорезцов, но и в “палегаврском” виде [1, с.158, 310-311; табл.1-2]. Из работ, вышедших позднее, нам также не удалось почерпнуть каких-либо дополнительных сведений о комплексе находок со стоянки Романовка II [2, с.86-122; 3, с.130-133]. Изделия, известные по рисункам, переходящим из работы в работу Г.Н.Матюшина, не дополнились принципиально новыми типами.

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что рассматриваются материалы разных памятников. Но представляется важным, что в вышеуказанных работах вариациям подвержен способ подачи, описание и, видимо, понимание материала стоянки Романовка II, тогда как иллюстративная часть коллекции остается неизменной.

В этой связи надо отметить, что опубликованные ранее материалы, как бы ни была дискуссионна их интерпретация Г.Н.Матюшиным, и наша коллекция представляются явлением одного порядка [1, с.310-311, табл.1-2]. Сходство проявляется, прежде всего, в пластинчатом характере раскалывания и коллекции, в целом, ору-

дия которой представлены, в основном, вкладышами, скребками и резцами при незначительной роли орудий других категорий. Несомненна типологическая однородность концевых скребков на укороченных заготовках с конвергентными ретушированными краями. Нет никаких оснований полагать, что указанные выше несоответствия типологических составов коллекций, полученных в 1989 г. и ранее, объясняются планиграфическими или какими-то иными особенностями памятника. Наш раскоп занимает центральную часть мыса и расположен между раскопами Г.Н.Матюшина. Плотность находок во всех раскопах, судя по нашим данным и сведениям, приведенным в монографии, совпадает, не превышая двух находок на квадратный метр. В связи с вышеизложенными соображениями представляется, что публикуемый материал, будучи не вполне представительным, тем не менее, характеризует особенности памятника и романовско-ильмурзинской культуры в целом.

Вопросы соотношения романовской культуры с соседними культурами и, особенно, ее датировки до настоящего времени остаются в центре внимания исследователей. Предложенные Г.Н.Матюшиным палинологическая (не позднее D III), геологическая (перекрывание мезолитических слоев голоценовыми почвами), радиоуглеродная и типологическая (второй этап развития культуры) датировки отличаются друг от друга [1, с.133, 138, 158-159, 308]. В конечном итоге, предложенные датировки указывают лишь на раннеголоценовое время существования комплекса Романовка II, в диапазоне пребореал — бореал. Формирование неолита елшанского типа в Самарском Поволжье предположительно связывается с романовско-ильмурзинской культурой, являющейся одним из его субстратных компонентов. Учитывая появившиеся в последнее время абсолютные даты для раннеолитических памятников елшанского типа [4, с.23], мы допускаем возможность существования романовского комплекса не позднее второй половины бореального периода. Более точная датировка для мезолитической стоянки Романовка II возможна, очевидно, лишь с уточнением типологической характеристики всей романовско-ильмурзинской культуры в целом. Данная характеристика на сегодняшний день не может быть признана удовлетворительной.

В культурном аспекте коллекция Романовки II действительно отличается от известных памятников Зауралья или Среднего и Верхнего Прикамья. Несмотря на ярко выраженный пластинчатый облик коллекции с обедненным типологическим рядом, деление пла-

стин на группы по ширине указывает на резкое отличие от пластинчатых комплексов камской (по О.Н.Бадеру) культуры. По такому, преимущественно технологическому признаку, к Романовке II ближе пластинчатые комплексы III, IV Тат-Азибейских стоянок в Нижнем Прикамье. В материалах этих памятников присутствуют единичные ретушные резцы на непластинчатых сколах, укороченные концевые скребки на пластинах, симметричные острия с невыделенным жалом, многочисленны угловые резцы. Близкими технологическими характеристиками обладают еще несколько стоянок в регионах, примыкающих к Южному Приуралью: Старо-Токская в Оренбуржье [5], Тархан II, Архангельская III в Камско-Вятском междуречье [6, с.15-16, 24]. В материалах перечисленных памятников следует отметить большее количество пластин с усеченным или скошенным концом, чем в комплексе Романовки II. В то же время, присутствие в материалах памятников Тархан II и Архангельская III выемчаторетушных трапеций и техники шлифовки требует рассматривать эти памятники как самостоятельное культурное явление.

В целом, публикуемые материалы вписываются в круг мезолитических стоянок Приуралья и Прикамья и заметно отличаются основными характеристиками от мезолитических материалов смежных территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Матюшин Г.Н.* Мезолит Южного Урала. М., 1976.
2. *Матюшин Г.Н.* Некоторые итоги изучения каменного века на Урале // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья. ИГ БФАН. Уфа, 1978.
3. *Матюшин Г.Н.* Мезолит Южного Приуралья // Мезолит СССР. М., 1989.
4. *Мамонов А.Е.* Елшанский комплекс стоянки Чекалино IV // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
5. *Моргунова Н.Л.* Старо-Токская мезолитическая стоянка // Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж, 1983.
6. *Гусенцова Т.М.* Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1993.